

7 июля 1981

СЕВЕРНЫЙ РАБОЧИЙ

Ярославль

СЕВЕРНЫЙ РАБОЧИЙ

7 июля 1981 года

Навстречу Всесоюзному Некрасовскому празднику поэзии

Анатолий Тарасов Повесть ВСЕГО ОДНО ЛЕТО

ФЕДОР принес почту. Некрасов взял письма и пошел на балкон. Зина уже отдыхала там в качалке.

— Ну-ка посмотрим, что нам сегодня пишут... — начал он разбирать почту. — Подождет, подождет... Ага, Лазаревский... Зина, Лазаревский шлет тебе привет и поздравляет с рыболовными успехами.

— Ну вот, вы и ему написали...

— Я приглашал его сюда на охоту. Не приедет. Жаль. А это что?

«Я слышал, Вы интересуетесь декабристами. Знаете ли Вы, что в Ярославле живет сын декабриста Якушкина и занимается довольно большой пост председателя то ли казенной палаты, то ли палаты государственных имуществ. Он, наверно, многое вам может рассказать. Вот только удастся ли вам подобрать к нему ключик? Говорят, он живет совершенным отшельником и никого не принимает...»

«А верно, что это я забыл о Евгении Ивановиче, — подумал Некрасов. — И Гербель о нем говорил. Надо его прозвонить».

Вернувшись в кабинет, Некрасов написал записку Якушкину с просьбой принять его и пошел к Федору:

— Ты знаешь Евгения Ивановича Якушкина?

— Кто его не знает! Большой человек. В казенной палате служит. Председателем. Гроза всех здешних казнокрадов. Строг. Жуликов не терпит. Говорят, он никого не принимает.

— Вот письмо к нему. Поедешь в город, передай и узнай, когда сможет меня принять.

Вечером Федор привез ответ: «Вы знаете, дорогой Николай Алексеевич, что я всегда рад Вас видеть. Днем я на службе, а по вечерам в любой день жду вас в гости...»

На другой день вечером с Зиной подъехали к дому Якушкина. На звонок вышел сам Евгений Иванович:

— Милости просим, Николай Алексеевич, здравствуйте! Рад вас видеть.

— Здравствуйте, Евгений Иванович. Разрешите представить вам моего друга Зинаиду Николаевну.

— Здравствуйте, Зинаида Николаевна. Пожалуйста, проводите. Елена Густавовна! К нам гости!

Вышла хозяйка и после приветствий увела Зину к себе.

— Я к вам не с праздным визитом, а за помощью, дорогой Евгений Иванович, — начал Некрасов, когда они расположились в кабинете хозяина. — Задумал поэму о декабристе, вернушемся из Сибири, а начать никак не могу. Материалов мало. Перечитал записки декабристов Розена, Корфа. Кое-что читал у

Герцена, в том числе и вашего отца. Но этого мало. Меня интересуют личности декабристов, их характеры, даже внешность. Без этого, сами понимаете, мы, писатели, работать не можем. Вы хорошо знаете своего отца, вероятно, встречались с другими декабристами. Расскажите мне о них.

— А не боитесь этой темы? Одолеете цензуру?

— Трудно будет, но надо. После возвращения декабристов о них много говорят, много спорят. Говорят всякое, и мы, писатели, не можем стоять в стороне. Такие личности всегда привлекали к себе литераторов. Наш долг воскресить их перед современным читателем во всем их гражданском благородстве. А цензура... куда от нее денешься. Читатель научился читать между строк.

— Интересные личности, — начал Якушкин после раздумья. — Каждый на свое лицо, но всех их роднит общая судьба и верность идеалам юности. Ведь в большинстве своем это были молодые люди, цвет армии, образованные, с хорошим положением и еще лучшим будущим. Возьмите Сергея Григорьевича Волконского — в двадцать четыре года генерал, прекрасная семья, связи, положение. Чего бы, кажется, человеку надо, а он все это отдал ради общего дела. И многие другие такими же были и в том же положении оказались, а я не слышал ни от одного сожаления о свершенном. «Не пропадет ваш скорбный труд», — писал им Пушкин, и они верили в это, и эта вера помогла им оставаться декабристами. Я хорошо знаю своего отца, дважды ездил в Сибирь и повидал там всех, что еще был жив. Я видел, как они жили. Просто жили, но достойно. Каждый нашел себе занятие по душе. Я говорю о том времени, когда они уже отбыли срок каторги и жили на поселении. Кто занимался агрономией, кто историей Сибири, кто рисовал, кто составлял гербарий местной флоры. Много читали. Не отрывались от России и ее интересов. В России думали, что они вернутся морально разбитыми, одичавшими, а они шли ровенько со временем и только нездоровье и жандармский надзор мешали им включиться в активную жизнь после возвращения.

— Кого бы вы выделили среди декабристов как пример стойкости и верности идеалам декабризма?

— А почти все сохранили верность. Возьмите того же

Волконского — взгляды его сделали бы честь любому республиканцу. После возвращения из Сибири он уехал за границу и, насколько я знаю, поддерживал связи с Герценом. Вам-то я скажу, что большинство материалов о декабристах, опубликованных Герценом, прошли через мои руки, и я хорошо знаю их настроения. На меня можете положиться, — и он стал рассказывать о том, как добирался до Сибири, как собирал материалы, какими застал декабристов.

— Все это хорошо, — закончил он, — но как вы скажете об этом в подцензурной поэме?

— Будем пробовать. Сейчас современным деятелям важно найти путь к народу. Они пока далеки от него и не находят с ним общего языка. Нашли ли декабристы этот язык?

— Нашли. Общая жизнь сблизила их с народом. Кюхельбекер своими руками возделал не одну десятину нетронутой земли в Баргузине и показал сибирякам, что и у них можно растить хлеб. То же делали Назимов и Розен. Отец основал училища для мальчиков и девочек. Это не у нас в России, а в Сибири! Сколько борьбы стоило ему это, а дети учатся! И сибиряки благодарны ему. Вольф до самой смерти лечил людей. Домашние аптеки Фохта и Розена были открыты для всех. Каждый делал, что мог. Россия еще скажет им спасибо за этот подвиг. Живя годами среди сибиряков, они узнали их, породнились с ними. Обратили ли вы внимание в записках Розена на описание жизни поселенцев в Тарбагатае? Получив землю, без господ, они своим трудом преобразили край, живут в достатке и довольстве. Ведь это идеи землепользовцев, превращенные в жизнь. Жаль, что записки Розена недоступны широкой публике. А ведь в подцензурной поэме этого не скажешь прямо...

— Прямо не скажешь, но понять люди могут. Искать пути надо, — ответил после раздумий Некрасов. — Спасибо, Евгений Иванович! Вы мне много помогли. Теперь я понимаю, чего мне не хватало. А как провести через цензуру, подумаем...

Гости засобирались домой. — На одну минуту, Николай Алексеевич, — позвал Якушкин Некрасова к себе в кабинет. — Я во время поездок в Сибирь фотографировал всех декабристов, каких там застал. Разрешите вручить вам портреты.

— Спасибо, Евгений Иванович! Прекрасный подарок!

ОБЛАГОДАРЯВ хозяев за гостеприимство, гости направились к выходу.

— Странные эти поэты, — заметила Елена Густавовна, когда они вышли.

— Что такое? Ты о чем? — спросил Якушкин, погруженный в размышления о Некрасове, стихи которого любил. — Тебе не понравились гости... или гостья?

— Нет, я этого не говорю. Милая женщина Зинаида Николаевна, искренняя, но смущается очень. Я было заговорила с ней по-французски, а она на меня так испуганно посмотрела, что я и не рада. Но потом ничего. Очень ей нравится Карабах. Что она намного моложе его, это куда ни шло. Но, я думаю, она не дворянка. Поэты вечно со странностями.

— Почему одни поэты? И причем здесь дворянство? Кюхельбекер женился на простой сибирячке, а как прекрасно бы жили, если бы власти не мешали. Он учил ее всему, и такой интересной стала...

— Ну да, там условия были иные и выбора не было.

— Тем большая честь Некрасову, что здесь он такой выбор сделал. И мой отец, и моя мать всегда считали, что дело не в дворянстве, а в человеке, и я с ними согласна.

А про себя подумал: «Видно, серьезно к ней относится, если привез ко мне. Как-то у него получится с поэмой», — снова вернулся он к своим размышлениям.

Некрасов долго ехал молча, перебирая в памяти услышанное и прикидывая, как это можно повернуть в поэме, а потом, уже перед Карабахом, взглянул на Зину и удивился ее удрученному виду.

— Что с тобой? Уж не обидели ли тебя?

— Нет, — ответила после заминки Зина, — только мне лучше по таким визитам не ездить. Начала со мной по-французски, а потом видит, что я не могу ответить, сама смутилась. Уж лучше я дома...

— Ну как знаешь. Я хотел, чтобы тебе было интересно... «Вот судьба моих подруг», — подумал он. — Панаеву отвергали и травили, но та хоть за себя могла постоять. Теперь Зине предстоит то же... Но в обиду ее никому не дам!

ОН ДОЛГО рассматривал портреты декабристов.

Перебрав все, вновь вернулся к Волконскому — молодому генералу в орденах и регалиях и старцу, убеленному сединами. Положив оба портрета рядом, сам подивился контрасту.

Вот таким и должен видеть своего дедушку внук Саша. Сначала молодым красавцем-генералом — на портрете, потом живым патриархом с прямой осанкой и чистыми, открытыми глазами.

А между ними — вопросы и ожидания. Вопросы не только для Саши — для читателей. Пусть они сами подумают, во имя чего молодой генерал принял на себя крест, что толкнуло его на это. А потом он — Некрасов — устами декабриста станет постепенно открывать Саше печальную быль, готовить его и читателей к пониманию и оценке трагедии декабристов и России...

И Некрасов принялся за работу.

Вот старый декабрист после тридцатилетней разлуки вернулся домой. Куда? Конечно на Волгу, в родные места поэта — и вместе с внуком выходит к берегам Великой реки...

Герой поэмы дает внуку первые уроки Любви и Ненависти — любви к униженным и обиженным, ненависти к поработителям. И вспомнил разговор его с Зиной, вспомнилась заброшенная, проклятая крестьянами Грешневская усадьба, вспомнились спины стариков, спешащих уйти подальше от дороги, по которой едут господа. — и родились строки:

Словно как омут, усадьбу
Каждый мужик объезжал...

Вспомнил мужик с лопатой у свежей могилы. И он представил себе этого мужика молодым под венцом в той же церкви... И опять в памяти всплыло лицо отца на псовой охоте... И он представил себе, что было бы, если бы мужик принадлежал его отцу и женился без разрешения баarina.

Воображение работало четко и ясно. Он едва успевал подходить к конторке и бросать на бумагу фразы — не всегда в точную рифму, но непременно в размере, отбиваемом тактом шагов.

Время отступило куда-то, утонуло, растворилось в безбрежном море его воображения.

Он не замечал, день или ночь за окном: свечи были всегда наготове, и он зажигал их сам, когда было темно. Он не помнил, когда, сколько раз и как ел, по сколько часов спал и спал ли вообще. Все было как во сне...

[Окончание следует].

[Продолжение. Начало номеров за 2, 3, 4, 5 июля].